

Й

Список жителей Латвии в возрасте до 16 лет, депортированных 14 июня 1941 года

Йиргенсонс Илгварс Янович	1930	Йокстс Владиславс Донатович	1933
Йокста Анастасия Донатовна	1929	Йохансоне Сигне Викторовна	1939

ИЛГВАРС ЙИРГЕНСОНС

родился в 1930 году

14 июня ночью раздался громкий стук в дверь, вошли вооруженные винтовками люди, среди них один местный, из Айзпуге. Сказали, чтобы через час были готовы к отъезду, нас высылают. В квартире царил хаос. Так как нас только недавно выселили, некоторые ценные вещи по-прежнему находились в чемоданах. Растерявшись, мама содержимое одного из чемоданов вытряхнула на пол, о чем в Сибири не один раз пожалела. С собой взяли менее ценное.

В квартире за стеной жил мамин брат, его тоже выселили из дома, где мы жили все вместе. Постучали в стенку, мамин брат вошел, дал нам сколько-то денег. В спешке взяли несколько одеял, одежды почти никакой, было зимнее пальто. Посадили нас в грузовик и поехали забирать следующих. В это время к нам приехала и сестра. Ей предложили на выбор – ехать или оставаться. Мама сказала, что она должна остаться. Но не взяли ее и потому, что она жила в Цираве, а не с нами. Когда мы подъехали к следующему дому в Айзпуге, мама обратилась к охране, чтобы разрешили мальчику сходить за одеялом. Сейчас думаю – может быть, мама послала меня в надежде, что сестра не отпустит назад. Сестра до сих пор переживает.

Взяли какого-то мужчину, женщину. Приехали на станцию Калвене. Там сказали, что мужчины поедут отдельно. Вместе неприлично, негигиенично. А вещи наши были сложены вместе. Там же на траве возле станции все переложили – что отцу, что нам. И велели нам садиться в телячьи вагоны.

Следующая остановка была Рудбаржи. Мама спохватилась, что у папы нет ни хлеба, ни кружки. Меня отпустили в «мужской» вагон. И я отнес папе хлеб и кружку. Тогда я видел его в последний раз. Подобрался к окошку, протянул.

Хорошо, что успел, – охранник из соседнего вагона толкнул меня на землю. И как величайшего преступника отвели меня в вагон к маме.

В первые дни в вагоне все были взбудоражены. Трудно было и в смысле гигиены. Занавесили чьей-то простыней. В поездке давали формовой хлеб. Хлеба давали достаточно, но люди от волнения не могли есть. Когда доехали до конца, часть хлеба заплесневела. Один раз в день нас выпускали, двоим разрешали принести на вагон два ведра воды. В вагоне нас было 23 человека. Не мылись. Была страшная грязь, так как и до нас поезда здесь останавливались. Вода была мыльная, мутная. И все равно радовались, что хоть так можно помыться.

Привезли на станцию Ключвенная за Красноярском. Разместили в какой-то школе. Жили там несколько дней. Взрослых собрали во дворе и велели подписаться, что они добровольно проведут 25 лет в Сибири.

Через несколько дней повезли нас в Манский район Красноярского края. В селе Шалинское разместили нас в церкви, потом за нами приехали повозки. И увезли, наконец, в деревню Островки, в колхоз «Культура» Манского района, за 23 километра. Было это 10 июля, а 11 июля был мой день рождения. У мамы с собой было еще немного муки, она достала яйцо, молоко, и ели мы суп с клецками. Нам выделили небольшую комнатку, электричества не было, керосин. Жила с нами еще одна семья из Циравы по фамилии Стабулникесы. Мама пошла работать

в колхоз: молотить, полоть, убирать картошку. Работа начиналась в 7 утра и длилась до 7–8 вечера. Жили мы неподалеку от так называемого «центра». Как такового центра не было, только так считалось. Часов не было,

*В поездке давали
формовой хлеб.
Хлеба давали
достаточно, но
люди от волнения не
могли есть.*

Мать Лидия

каждое утро около семи утра колотили в рельсину, все знали, что пора вставать и идти к бригадиру. Он распоряжался, что кому делать. Из продуктов нам дали мелкую прошлогоднюю картошку, новая еще не поспела. Позже раз в месяц давали коровью голову, легкие и сердце. Еще в вагоне мы узнали, что началась война. Жили надеждой, что попадем домой. Во время войны в колхозе забивали скот для нужд армии. Нас в колхозе было пять латышских семей, на каждую семью выдавали по одной коровьей голове. Зимой мама ходила чистить и сушить картошку. Тоже для армии. Весной снова надо было идти в колхоз. Нам выделили небольшой огород, посадили картошку и огурцы. Но в Сибири огурцы расти не хотели. Прожили мы там до 8 августа 1942 года, и сказали нам, что повезут на Север. И снова на подводах везли нас на станцию Камарчага. Несколько дней ждали поезда, который увез нас в Красноярск.

В Красноярске две недели жили под открытым небом. Был и дождь, и всякое. Раз в день давали кусок хлеба и суп. Ждали пароход. Пароходы были переполнены. На север ехали на палубе. Нас должны были высадить в Потапово – между Игаркой и Дудинкой. Но был сильный ветер, пароход пристать не мог, и повезли нас дальше – за Дудинку, в Пшеничный Ручей. Высадили, там стояли палатки. Несколько дней жили в палатках. Давали суп. Стало уже подмерзать. И на последнем пароходике нас все-таки отвезли в Потапово. И там-то началось

самое трудное. Приехали 23 сентября. Для Севера это очень позднее время. Река стала замерзать. Здесь уже были ссыльные, в основном поволжские немцы. Жить было негде, показали, как делать бункеры для жилья. За материалами надо было ходить далеко, искать, где бревна вынесло на берег. Я не ходил, а мама и остальные носили бревна на себе. В Потапове жили и две ссыльные латышские семьи из Ленинграда. При советской власти этому нечего было удивляться – мужья были в армии, а семьи выслали. С ними вместе и стали строить бункер. Земля замерзла, надо было уже долбить. На бревна положили жерди, маленькие дощатые дверцы, сверху мох и землю. Из сырого кирпича сложили плиту. Когда начали топить, земля оттаяла, и все потекло на наши головы.

В бункере нас было 12 человек. Ноги, когда ложились спать, нельзя было вытянуть. Я спал с мамой на нарах.

Мама выполняла тяжелую, совсем не женскую работу. Весной надо было выкалывать из Енисея, изо льда плоты. Носить бревна. Помню, у кого-то провалился под лед топор или лом, за это полагалось какое-то наказание. Из продуктов давали только хлеб – 750 граммов рабочим, 600 граммов – иждивенцам. Но хлеб совсем не такой, каким мы его себе представляем! Мама стала болеть, но в этом бункере мы как-то перезимовали. С дровами было плохо. Света не было. Там же полярная ночь, может быть, на 10 минут в день зажигали лучину, но для этого надо было украсть полено. Из тех дров, что мы собирали, лучину не настрогаешь.

Весна поздняя, лед идет в начале июня. В Потапове была небольшая печь для обжига кирпича. Работа примитивная. Мама работала у печи сторожем, мне было уже 13 лет. Мое задание было – гонять лошадь по кругу. И я работал с 7 утра до 7 вечера.

Осенью 1943 года мне поручили заготовить дранку для штукатурки. На берегу валялись старые стальные тросы, их рубили и получались гвозди, потому что настоящих гвоздей тоже не было.

Мама чувствовала себя все хуже – мы голодали. Практически был только хлеб. Удачей считалось, если мог что-то выменять.

Мама, когда болела, договорилась с женой охотника, что та отдаст нам заячью голову и внутренности. Сама мама пойти не могла. У нас сохранился еще кусочек туалетного мыла, его надо было отдать взамен. Заячью голову на плите опалили, сварили. Это был мой последний обед вместе с мамой.

Когда мама еще была жива, как-то летом я поймал щенка, его мы тоже съели. Такой был голод! А чтобы нас не поймали за этим делом, шкуру отнес далеко на берег Енисея и спрятал в кустах. Сам его свежевал. На что только не толкает голод! С ленинградскими латышами ловили собаку. Я был главный ловец. В бункере собаку убили и мясо ели вместе. Когда мама умерла, ленинградцы меня позвали обедать, и я снова ел собачатину. Был на месте и фельдшерский пункт, но лекарств никаких не было. Фельдшер пришел, дал маме два или три кусочка хлеба, но она есть уже не могла. Так она и умерла. Я понял, что остался один. Две или три ночи спал рядом с мертвой мамой на нарах. Люди в то время умирали один за другим. Поволжские немцы были приставлены их хоронить. Сбивали из простых досок ящик, укладывали умершего. Приходили латышские женщины, читали молитву и пели «К Тебе, Господи, возношу душу мою».

Утром, когда подъехала повозка, поставили на нее ящик с мамой. Я единственный шел за ней, хотя на телеге стояло несколько гробов. Я дошел до могилы, где похоронили маму... опустили ящик с мамой, сверху немку, и так похоронили. Когда вернулся в бункер, понял, что остался совершенно один, и делать мне нечего, и некуда идти. Надо жить, как умею. В других местах детей отправляли в детский дом. А на Севере ты сразу становился самостоятельным. Я получил карточку, пошел работать – прибывать дранку. Потом пришлось возить березки из тундры. Каждый день надо было привезти три кубометра для хлебопекарни. Страдал я очень – выданный утром хлеб съедал еще по дороге на работу, и до следующего утра надо было обходиться без еды.

Мама умерла в октябре 1943 года. Зимой я пережил. Вид, вероятно, у меня был страшный. Один русский подошел ко мне. На мне было пальто из Латвии, оборванное, лохмотья висели. Он сказал: «Жаль, фотографа нет. Надо бы тебя сфотографировать, чтобы ты, если останешься жив, знал, как выглядел». Велел поворачиваться, и топором обрубил все лохмотья. Видно, действительно вид был страшный.

До лета 1944 года делал все, что велели. Потом приехал из Дудинки представитель, я обратился к нему, так как понял, что здесь не выживу. Пошел проситься в детский дом. Мне выписали бумагу, что я могу уехать в Дудинку, в больницу. Дождался парохода. Купил билет, вероятно, столько-то денег у меня было. Нашел больницу, приняли меня как

дистрофика. Стали кормить, была санитарка, которая спасла мне жизнь.

Она приносила мне еду, от которой отказывались другие больные, потому что уже были не в силах есть. Пролежал я там две недели. Когда вышел, не понимал, что мне делать. И тут случай. Единственным моим богатством было одеяло, обуви не было, зато на голове была шапочка от формы ученика латышской основной школы. Иду я, и тут меня окликают по-латышски какой-то паренек. Узнал меня по шапочке. Позвал внутрь, там были латыши, которые работали на стройке. Дали мне сразу «танки». Был там такой Лацис. Кажется, главный инженер. Он написал записку, что я могу идти с этим парнем и оставаться в общежитии, пока не оформлюсь на работу. Предложил учиться на столяра. Когда я пришел в общежитие, там жил 41 человек – женщины, дети, все в одном помещении. Но мне показалось все замечательно – плита, электрическая лампочка, нары. Так я начал в Дудинке учиться столярному делу. Конечно, было не легко. Но кормили. В 1946 году я узнал, что детей увозят в Латвию. Приехала какая-то женщина. Нам дали документ, по которому мы могли сесть на пароход. Поехала с нами и эта женщина. До Красноярска плыли семь или восемь дней. Ждали, пока вагон не наполнится, чтобы можно было уехать. Спал я на третьей полке, предназначенной для багажа. Когда мы переехали границу, в поезд сел то ли кондуктор, то ли проводник – разговаривал он по-латышски. Восторгу моему не было предела!

Ехали мы вместе с парнем из Лиепаи, с тем самым, который меня окликнул, – с Лаймонисом Крумсом. В Риге нас отвезли в баню, одежду сдали в дезинфекцию. Отыскали для себя другую одежду. А потом на улицу Кандавас. Лаймонису было уже 16 лет, он сам мог поехать в Лиепаю. Я дал ему записку, чтобы он разыскал в Айзпите мамину сестру. И приехал муж маминой сестры и забрал меня. У меня не было никаких документов. Об отце ничего не знали. Мама писала в Министерство внутренних дел, и пришел ответ, что отец находится в Кировской области на конезаводе. Ясности никакой не было. Только во время Атмоды в газете «Литература ун Максла» был опубликован список. Там была и фамилия моего отца. Умер он 30 августа. Хотя органы безопасности отвечали, что точных сведений нет. Так что точными сведениями я считаю эту статью в газете. Я храню ее по сей день. Сестра моя уехала в Америку, и я ей об этом написал.

СИГНЕ ЙОХАНСОНЕ (КУРАУ)

родилась в 1939 году

Меня вывезли, когда мне было два года и четыре месяца. Я, конечно, знаю только то, что рассказывала мама.

Попался нам хороший парень, который бросил маме шубу, это спасло, было чем укрываться. Мужчин сразу же увели в другой вагон. Отца своего я не помню.

Привезли нас в Белоярск, мама знала русский язык. Мама никогда не работала в деревне, она даже печку не топила, так как жили мы в Риге.

В вагоне мы познакомились с 70-летней женщиной, вместе и жили. Она ходила в поле и делала все, что велели. Через два года нас перевели в село Михайловку. Это было украинское село. Там мы прожили года три.

Госпожа Румба работала в Филимонове бухгалтером, и им нужен был еще один бухгалтер. Она упростила через НКВД, это был молочный комбинат, где мама работала.

В Белоярске на полу была только солома, хорошо, что у нас с собой была шуба.

В Михайловке мы жили в углу, спали на мешках с соломой. Когда зимой ехали в санях, меня кутали, и я выпала. Было красивое звездное синее небо. Они уехали довольно далеко, а я все лежала в снегу. Украинцы были приветливые, но даром ничего не давали. Мама была учетчицей – подсчитывала рабочие дни. Давали только 200 граммов хлеба. Тетечка ухаживала за скотиной, чистила хлев, за это получала молоко. Варили картошку, и очистки тоже. С тетечкой собирали колоски проса, было страшно, как бы кто не увидел. Собирали мерзлую картошку.

Когда маму приняли бухгалтером на молочный комбинат, жить стало

легче. Нам на троих дали комнатку. Рядом жила госпожа Румба с детьми. Как мама за дверь, так мы начинали разговаривать по-русски. Мама устроила меня в детский сад, я была накормлена. Мама окончила музыкальную школу, дирижировала, играла на пианино. Директор школы и директор клуба назначили ее руководить хором. Маму я почти не видела.

Каждое 15 число надо было ездить в Канск отмечаться. Всегда прощались, не знали, вернется ли мама домой. Домой надо было возвращаться пешком.

Везде мы были «проклятые фашисты». Дети ведь безжалостные, и в школе нас обзывали. Когда кончилась война, мы подружились с главным инженером. В 1947 году из Англии прислали машины, а все инструкции были на английском языке. И тогда посадили «проклятую латышку» переводить, чтобы машины можно было установить, но ведь технические термины – это что-то совсем другое.

Маме было нелегко. Я должна была топить печь, приносить воду, потому что мама возвращалась в полночь.

В 1949 году моя крестная прислала мальчишье пальто. Как только я его надела, мальчишки облили мне спину чернилами. В таком я и ходила. В Филимонове жизнь была лучше, но «проклятые фашисты» были с нами до конца. Директор школы был, конечно, человек интеллигентный.

Летом 1954 года я на два месяца приехала в гости, с языком было трудно, свои меня высмеивали.

Потом мама решила – крестная зовет, получила я паспорт – надо ехать. Мама посадила меня в поезд,

Везде мы были «проклятые фашисты». Дети ведь безжалостные, и в школе нас обзывали.

здесь меня встретили, с языком было трудно. Впервые видела, как цветут яблони. Там, в Сибири, были только огороды.

Белый хлеб, это было что-то! Больше ничего не надо было.

Там прожито 14 лет, расставаться было трудно. Красивая природа – цветы, реки. Лето так лето, зима – так настоящая зима. Там остались друзья. Директор школы сам был ссыльный, он помогал писать заявления, чтобы маму освободили. В 1956 году потихоньку начали отпускать домой. В 1957 году отправили все мамины бумаги. В Ригу возвратиться ей не разрешили, отправили на Резекненский молочный комбинат.

У меня были трудности с пропиской, не хотели прописывать, обещали отправить к белым медведям. Нас здесь никто не ждал. Два года я прожила здесь без мамы. Она приехала на мой выпуск.

Отца расстреляли в октябре 1942 года в Соликамске. Он был айзсарг.

В 1957 году я ходила в архив за свидетельством о смерти отца. Там бесстыдно написали – умер 14 декабря 1944 года – в мамин день рождения. Диагноз – рак, где похоронен, не сказано...

К вагону подошла женщина из нашего дома, к своей сестре. Моему братику было четыре месяца, у мамы не было молока, он уже в вагоне посинел. Женщина решила, что брата нужно забрать. Госпожа Дреймане принесла газеты, в них завернули братика, согнули решетку, и брата отдали. Брата принесли к маминой маме, вырос здоровый и красивый. Встретила я его через много лет. Всю жизнь искалечили, все отняли. Мы, слава Богу, выжили. Это ужасно, разорить семью, за что?

Никакие извинения не вернут мне детство, не вернут отца...

Сигне с матерью Элизабете. Сибирь